

Скажу откровенно, балет меня сейчас мало интересует. Да я и не очень понимаю, что это такое. Возможно, это белое трико на артисте и когда не разобрать, мужчина он или женщина. Но тогда это неглубокое искусство, и я ошибся, что занимался им всю жизнь.

Я оказался на сцене лет через 15 после войны. Задумайтесь, какой страшной силе многонациональный советский народ сломал хребет. Гитлер – это же гений, который вдохновил немцев так, что они маршем прошли по Европе. Но мы заплатили за победу, только по официальным данным, 20 миллионами жизней. Все это требовало от искусства серьезного осмысления, больших идей и образов. Они появились и в балете: Яго, Гамлет... Это была настоящая мужская работа, которую интересно делать и показывать. Мужской танец стал стремительно развиваться. И это правильно, ведь все произведения искусства написаны на мужчину и женщину. И нет ничего позорного, когда женщина – нежная, а мужчина – мужественный. Из их взаимоотношений рождаются чувства, дети и даже государственные проблемы. Но, может быть, я неправ. И тот балет, которому я предан, который меня волнует, на самом деле – некое драматическо-пластическое действие. А балет – это то, что мы видим сейчас, когда на сцене царят бесплотные эльфы.

Однако многие артисты вашего поколения весьма критично относятся к тому периоду. Они сожалеют, что это был балет, над которым довела идеология.

У нас сейчас модно ругать себя. Этим занимаются и многие великие актеры. Идеология, конечно, тогда присутствовала. Но было и великое насыщенное искусство, большая правда чувств, чем и отличались «Иван Грозный», «Спартак», «Легенда о любви»... В 1940 году, когда мой отец Леонид Михайлович Лавровский поставил в Ленинграде «Ромео и Джульетту», прекрасная балерина Татьяна Вечеслова подарила ему томик Пушкина, который надписала: «За большое дыхание в искусстве». Оно было у нас везде – в музыке, театре, в спорте... В балете появляется не один, а много выдающихся артистов: Плисецкая, Тимофеева, Васильев, Владимирова, Лиена, Хохлов... Всех трудно перечислить.

Благодаря чему ваше поколение достигло поразительных результатов в искусстве?

Мы не отрицали достижений наших отцов и дедов. Как сказал Ньютон, я достиг, потому что стоял на плечах гигантов. И мы стояли на плечах таких гигантов, как Асаф Мессерер, Вахтанг Чабукиани... Расцвет их творчества пришелся на довоенные годы. Они танцевали хорошо, а мы на их фундаменте стали танцевать идеально. И при этом делали много нового. Благодаря Алексею Ермолаеву мужской танец обрел мужественность, экспрессию, виртуозность. Но пришел Григорович, и появились «Спартак», «Иван Грозный», где уже от всех главных исполнителей требовались и драматизм, и виртуозность. Константин Сергеев прекрасно передавал академическую форму танца, но эталоном классического исполнения стал Николай Фадеев. Никто в мире не танцевал так, как Владимир Васильев, пластике которого подчинялись все исполняемые им образы. И при этом все мы были разные, со своей индивидуальностью.

Что мешает нынешним молодым танцорам встать на плечи вашего поколения?

Знаете, я очень люблю Советский Союз и считаю, не допусти его руководство целый ряд очень серьезных глупостей, он бы долго существовал. Хотя было и немало плохого. Например, люди опасались изучать языки. А их надо знать, чтобы полноценно общаться с миром. И это здорово, что сейчас молодые люди знают языки. Но при этом многих тошнит от русского – вот в чем беда. Получается, и все то, что делали Васильев, Лавровский, – это плохо.

К сожалению, даже в Большом театре, в этой цитадели классического балета, репертуарная политика меняется в сторону современной хореографии. Почему, на ваш взгляд, мы не хотим сберечь то, чем были так богаты?

С балетом происходит то же самое, что и со страной. Разрушаются основы. И в этом огромная вина телевидения. Что оно пропагандировало последние 15 лет? Водку, табак, проституцию... У нас героем стал человек, который умеет и любит убивать. Почему его народ принял? Да потому, что мужчина – он по рождению воин, ему нравятся оружие, нужные фильмы-боевики. И пусть будут такие картины. «Белое солнце пустыни» – тоже боевик. Но это и шедевр, главная идея которого направлена против убийства. А сейчас по телевидению идут картины, где насиллие воспевают.

Меня волнует, что наступит момент, когда уже ничего не изменить. В 1917 году в России была уничтожена русская ин-

Михаил ЛАВРОВСКИЙ: МОЕ ПОКОЛЕНИЕ НЕ ЛОМАЛО ОТЦОВСКИЙ ДОМ

Все вопросы были хорошо продуманы и выстроены в блокнотике в аккуратную табличку. Иначе и быть не может, когда отправляешься на интервью к такому человеку, как Михаил Леонидович Лавровский. Легенда мирового балета, солист Большого театра, народный артист СССР, балетмейстер, педагог, а сейчас и художественный руководитель балетной труппы Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко... «О чем будем говорить?» – коротко спросил. «О балете, конечно». И тут Михаил Леонидович сказал слова, которые от хорошо продуманного сценария не оставили и следа.

ФОТО ИТАР-ТАСС

теллигенция – это великое явление, основу которого заложил еще Петр Первый. К 1914 году мы уже догоняли Америку по росту промышленности. Однако это не помешало немцам давать деньги большевикам, тем готовить переворот. А русская аристократия словно ничего не видела. И большевики этим воспользовались. Нельзя упускать возникающие проблемы! Их необходимо решать. Когда появляется ржавчина, от нее надо избавляться, иначе она разъест железо.

И все-таки... Такое огромное явление, как русский классический балет, не может исчезнуть. Потому что есть молодые талантливые артисты.

Я сам могу назвать: тут и Цискаридзе, и Гуданов, и Медведев... Они обладают потрясающей эстетикой. Совершенно классная балерина, со своей индивидуальностью – Ульяна Лопаткина. Много артистов с прекрасными фигурами. Но нет актера, который сможет безукоризненно выполнить все элементы классического танца. А ведь есть движения, которые никто не отменял. Они служат для выражения чувств. Но от этих движений отходят под тем предлогом, что надо быть современными. На самом деле – потому что не могут их сделать. И не хотят. Произошла страшная вещь: ушла необходимость овладения мастерством. Я, скажем, с огромным удовольствием ставлю танцевальные номера для драматических артистов. Работал с Верой Алентовой, Евгенией Симоновой. Обожаю ГИТИС, где преподаю. Потому что студенты там очень хотят учиться танцевать. А артисты балета не хотят. У нас в театре класс для солистов начинается в 11 часов. А те, чей статус поскромнее, занимаются с 10. Мне пришлось от солистов отказаться. Стремись же им дать побольше, а они просят чего-нибудь полегче.

А в Большом театре как относятся к занятиям?

В Музыкальном театре отношение куда более творческое. Многие артисты все-таки работают по-настоящему. А в Большом... Скажем, Юрий Кузьмич Владимиров репетирует с солистами. Едет он в театр из Пушкина. А артисты не приходят – хотя ему, между прочим, 65 лет! Разве им трудно позвонить, предупредить его? Не считают нужным.

Да, не все талантливы так же, как, например, Барышников и Нуреев. Но владеть танцем обязаны. Буниин как мыслитель тоже не дотягивает до Достоевского, но стилист замечательный. А язык – это способ передачи идей, чувств. Чему научат отца и мать своего ребенка, если они мычат, вместо того чтобы говорить с ним? Так и языком классического танца надо уметь разговаривать. Шедевр появляется, лишь когда

артист обладает техникой и имеет собственное лицо.

Но, согласитесь, публика любит балет и в его нынешнем качестве.

Я вообще не понимаю, что нравится публике. Недавно был на премьере очень модного и талантливого режиссера. Спектакль оказался ужасным. Я ушел после первого акта. А народу полно. И вижу, что спят – но терпят. Потому что режиссер модный... Самое гениальное произведение на свете – это все-таки «Гольф король»!

А возможно, проблемы у балета начались, когда 20 лет назад Григорович вывел за штат группу великих артистов? Среди них были вы, Плисецкая, Максимова, Васильев, Лиена...

Нас и надо было убирать. Время пришло. Нельзя превращать молодых артистов в удобные для постаревших звезд. Я, конечно, товарищески поддерживал, и мы сопротивлялись этому решению. Но понимал и противоположную сторону, говорил: мы неправы. Григорович – личность значимая. Это лев.

А вы лев в Музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко?

Нет. Я вообще люблю слабых животных: оленей, кошек... А в этом театре я сам по себе. Без легиона. Я мало что могу сделать. Меня ведь сюда не правительство назначило, а руководство театра предложило возглавить балетную труппу. Я понимаю, им требовалось закрыть эту брешь, а у меня мировое имя. Значит, никто сюда уже не сунется. Но польза-то от этого какая? Честно скажу, мне не нравятся в этом театре «Жизель» и «Шопениана». Я бы хотел их снять. А мне: «Что тогда будут актеры танцевать? Мы не работаем 5 лет». И это правда. Пока театр ремонтировали, реконструировали, не уволили ни одного артиста. Хвала им за это и честь. Но что дальше? Возможно, ситуация изменится, если я начну тут работать и как хореограф. У меня есть планы поставить «Пахиту», «Паганини», «Баядерку». Есть желание сделать спектакли «Порги и Бесс», который я 24 года назад поставил в Тбилиси, «Отелло», «Ричард Третий». Но что получится из этого, не знаю. Пока этот театр для меня чужой монастырь со своим уставом.

Это правда, что, когда в последние годы своей жизни Уланова приходила в Большой театр, молодые артисты с ней даже не здоровались?

Они ее просто не узнавали.
Как вообще такое возможно?
Знаете, чуть ли не первые слова, с которыми ко мне обратились старшие ребята, когда я поступил в хореографическое училище, были такие: «Мальчик, сними чеплашку». Так называлась узбекская шапочка, которую я носил, так как у меня часто из но-

са шла кровь. Я снял ее, а потом надел. И тут мне так вдарили, что я отлетел на несколько метров. Только и успел услышать: «Снять шапку быстро, ты в училище, и к тебе старший обращается». Вот какая была девица. И мы к таким отношениям очень быстро привыкли. Зато где-то встретишь ту же Уланову – и сразу ей: «Здрасьте, Галина Сергеевна».

Подобные воспитательные методы сложно назвать правильными.

Абсолютно правильные! Старших надо уважать, в школе необходима дисциплина, а мальчики должны получать спартанское воспитание. Другое дело, нельзя издеваться над людьми. Вот я посмотрел недавно «Девятую роту». Неплохо снят фильм, но его идея – это катастрофа. Согласно замыслу режиссера, мы все эски, бандиты, бьем друг друга ногами. И объединиться мы вынуждены лишь потому, что надо выжить. Ведь рядом Афганистан, читай – Чечня...

Но разве в вашем училище было иначе?

Конечно. Мы там были семьей. Нас объединяла будущая профессия. Каждому хотелось стать хорошим артистом. Трудно было поощряться. Выпускник считался с первоклашкой, если тот отличился на занятиях. Поздоровается с тобой первым, скажет: молодец, Михаил Леонидович, прилично прыгнули. А вот бездарности в училище лучше не появляться. Могут и избить.

Вы хотите сказать, что брата не было?

Был, конечно. Но это же несчастье – оказаться в балете, не имея к нему способностей. Это тот вид искусства, где возможности артиста видны в прямом смысле с пол-оборота. Меня еще и страшно ненавидели за то, что родители артисты. Станушье хорошо – значит, серый. Надо было станцевать очень хорошо, чтобы признали. И приняли меня и полюбили, лишь когда я доказал, что не совсем бездарный. А плакал я два раза в жизни. Мне было лет 10. Я стоял в училище в очередь за маечкой и трусиками, которые выдавали как форму для занятий. Минут через 30 подошел мой черед. И тут мне говорят: «А тебе, Мишенька, родители купят». Я расплакался от обиды. Как же так, все будут одеты одинаково, а я иначе? Ребята за меня вступились, и я получил свое обмундирование. Но случай этот запомнил на всю жизнь.

Довольно жестокий случай...

Но в то же время это закаляет. Я научился об очень многом не переживать. И извлекать уроки. Впервые я провалился в Америке на первых в своей жизни гастролях. Я был очень молодым, выступал в составе кордебалета, ну и расслабился, соки стал пить, пробовать вкусную еду. И тут меня ставят в «Баядерку» с сольным

номером. А я не могу даже шаровары надеть, потому что сильно поправился. Номер я сорвал. Два раза упал плашмя. Отец был белого цвета. А потом сказал: «Михаил, ты пока не солист. Ты подрабатываешь на солиста. И надеюсь, понял, как надо работать, чтобы не обжечься. Сколько тебе об этом ни говори – ты бы не поверил. А теперь тебя оплевали, и ты знаешь: чтобы достойно выйти на сцену, работать надо каждый день». Я этому правилу следую всю жизнь.

Почему в таком изысканном искусстве, как балет, среди мужчин развит гомосексуализм, а милые девушки подсыпают друг другу в пуанты стекло?

О случаях со стеклом я много слышал. Хотя при мне ничего подобного не происходило. Но понимаете... Балет еще и самое сложное искусство. Оно требует техники, ума, души... Это выхлещивает человека. Опустошает эмоционально и физически. После спектакля у артиста ноги не сгибаются. Помню, когда мне было 25 лет, я в составе труппы Большого театра приехал первый раз в Париж. Вокруг разговоры: «Ах, Лувр, ах, Эйфелева башня»... А я ничего не вижу. У меня в голове: «Вот уже «Лебединое» прошло, «Щелкунчик»... Осталось десять дней до моего выступления в «Жизели», 8 дней, 5...» Каждое утро я в классе, ночью лежу в холодном поту, мысленно прокручиваю движения, переживаю, не подведут ли мышцы. Потом сдам спектакль. Если удачно – а Бог меня не обидел, и много раз у меня получалось удачно, – Париж носит тебя на руках. А ты настолько устал, что у тебя сил хватает только на то, чтобы выпить. И ты пьешь, но не больше двух дней. И снова в класс. А потом все это кончается. Не надо приходить в класс, где будут Лавровский, Васильев... Ты больше никому не нужен. Ты старик. И, кроме водки, ничего не остается. Потому что за время карьеры человек так себя расходует, что не в состоянии ничего сделать для своего будущего. Отсюда и те явления, которые вы называли, а еще алкоголизм, наркомания. Женщины подсаживаются на транквилизаторы.

Недавно по телевизору показывали фильм-балет «Ромео и Джульетта», в котором вы танцевали паж. Джульеттой была Уланова.

Уланова не отличалась техникой. Но она и Ермолаев привнесли на сцену смысл исполнения. Конечно, Уланова – гений. Как правило, в балете люди, если они талантливы, начинают делать крупные открытия, когда уже не могут в полную силу танцевать. Уходить со сцены не хочется. Чтобы остаться, надо искать внутри себя нюансы, о которых раньше даже не подозреваешь. А в молодости артисты отдаются полету танца, прыжкам. Осмысление роли тоже идет, но чаще интуитивно.

Марис Лиена очень точно сказал: «Когда уходит прыжок, приходит драматизм».

Марис – человек великой судьбы. Мы с ним учились у одного педагога. Другая ми не были. Но между нами всегда существовали теплые отношения, хотя не так часто раз чуть не подрались. Но это неважно. Пусть на меня не обижается Григорович, но, после того как Марис станцевал в «Спартаке» Красса, этот образ надо, так сказать, закрыть. Настоящим Крассом может быть только Лиена, с его внешностью, техникой. И что удивительно, даже если он срывал трюк, это шло на пользу образу. Никто и никогда не исполнит эту партию так, как он. Это невозможно повторить. В этой работе он вышел на уровень откровения.

Вы с поразительным уважением, а то и восхищением говорите о многих артистах. А скажите, вы когда-нибудь завидовали своим коллегам?

Иногда ревновал, и только на конкурсах. А к образам – никогда. Образ – это дар божий, и ревновать тут бессмысленно. Кроме того, надо понимать, что у каждого свои данные. Моя мама, Елена Георгиевна Чикваидзе, была прекрасным педагогом. Она мне говорила: «Нет у тебя таких рук, как у моего ученика Володи Васильева». У него помимо таланта изумительные пропорции. А у меня плохие. И вот я из кожи лез, чтобы делать все правильно. Но получалось некрасиво. И мама мне сказала: «Тебе надо делать так, чтобы было убедительно». Я работал и искал свою форму, а не завидовал.

Когда вы танцевали, последний ваш прыжок в спектакле был самым сильным. Вы улетали за кулисы. Зачем? Вас настолько переполняла энергия?

Не только. Я верил, что если сумею прыгнуть за кулисы, то и завтра, и послезавтра вернусь на сцену. Потому что для настоящего артиста сцена – это жизнь.

Беседу вела
Наталья КУЗИНА